

объектов, но и для формирования в мировоззрении новых поколений уважения и гордости своими предками.

1. *Абраменко В.А.* Средневековый Новгород глазами потомков (на материале документов XVIII – начала XX вв.); Рост. гос. ун-т путей сообщения. Ростов н/Д, 2011. 312 с.
2. *Абраменко В.А.* Актуализация демократических мест памяти российского общества в произведениях драматургии начала XX века (на примере представлений о средневековом Новгороде) // Война и память: Тезисы докл. междунар. науч.-практ. конф. «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург. Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 31 октября 2014 года. СПб.: СПбГУКиТ; «Фора-принт», 2014. С. 40.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. 26. Оп. 5. Д. 2522. Л. 123 об.
4. *Коваленко Г.М.* Великий Новгород в иностранных сочинениях: XV – начало XX века. Москва: Ломоносовъ, 2016. 208 с.
5. *Рерих Н.К.* По пути из варяг в греки. Избранное. М.: Правда, 1990. С. 77–88.

УДК 94(47).066

М.М. Сафонов
Россия, Санкт-Петербург

БЫВАЮТ ЛИ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ШЕСТИДЕСЯТИГРАДУСНЫЕ МОРОЗЫ?

В «Записках» главы двух академий Е.Р. Дашковой, рукопись которых написана по-французски рукой ирландки М. Вильмот, приводится довольно странный факт: в Новгородской губернии, куда княгиню сослал Павел I, стояли 60-градусные морозы. В различных изданиях «Записок» это невероятное сообщение трактовалось по-разному: либо как указание на температуру воздуха, либо же как на местоположение ссылки – 60 градусов северной широты. Поскольку Дашкова большую часть жизни провела в Петербурге, находившимся на почти 60-й параллели, жаловаться на то, что ее сослали жить на 60-ю параллель (в действительности же даже на 59-ю), было бы довольно странно. Очевидно, цифра «60» означает температуру воздуха. Но бывали ли в конце XVIII в Новгородской губернии такие сильные морозы, даже если считать, что температура указана по шкале Фаренгейта? Скорее всего, М. Вильмот воспользовалась такой гиперболой, чтобы показать, что Россия – варварская страна, где по улицам еще ходят медведи и стоят дикие морозы. Это умозаключение представляет собой еще один, наряду с другими, более существенными, аргумент для решения вопроса об авторах этого памятника российско-британских культурных связей.

Ключевые слова: записки Е.Р. Дашковой, М. Вильмот, Новгородская губерния, деревня Коротово, 60 градусов северной широты, 60 градусов мороза, шкала Фаренгейта, шкала Реомюра, шкала Цельсия, шкала Реомюра.

М.М. Safonov
Russia, St. Petersburg

THERE IN THE NOVGOROD PROVINCE SHESTIDESYATIGRADUSNUYU COLD?

In the "Notes" of the head of the two academies E. R. Dashkova, the manuscript of which is written in French by the hand of the Irish M. Wilmot, a rather strange fact is given: in the Novgorod province, where the Princess was exiled by Paul I, there were 60-degree frosts. In various editions of "Notes" this incredible message was interpreted in different ways: either as an indication of the air temperature, or as the location of the link-60 degrees North latitude. Since Dashkova spent most of her life in St. Petersburg, which was on the almost 60th parallel, it would be quite strange to

complain that she was sent to live on the 60th parallel (in fact, even on the 59th). Obviously, the number "60" means air temperature. But whether there were at the end of XVIII in the Novgorod province such severe frosts even if to consider that the temperature is specified on a Fahrenheit scale? Most likely, M. Wilmot used such hyperbole to show that Russia is a barbaric country, where bears still walk the streets and there are wild frosts. This conclusion is another, along with other, more significant, argument for the solution of the issue of the authors of this monument of Russian-British cultural relations.

Key word: note of E.R. Dashkova, M. Wilmot, Novgorod province, the village Kuratovo, 60 degrees North latitude, 60- degrees frosts, the scale of Fahrenheit, scale Reaumur scale Celsius.

В «Записках» главы двух академий Е.Р. Дашковой, жизнь которой, по словам автора, представляла собой «a painful story» [11, с. 93], то есть грустную историю, или «a life of sorrow» [11, с. 95], иначе «жизнь полную страданий», приводится довольно странный факт. Зимой 1797 г. героине пришлось жить в крестьянской избе в новгородской деревне, окруженной болотами и непроходимыми лесами. Воцарившись, Павел I сослал княгиню в деревню Коротово Новгородской губернии «вспоминать 1762 год», то есть дворцовый переворот, лишивший жизни его отца императора Петра III. Но кроме «географических» неудобств, подруге Екатерины II пришлось столкнуться с фенологическими трудностями: зимой 1797 г. в Коротове стояли 60-градусные морозы. В простой избе при таких морозах, лишенная возможности выходить на воздух. Было от чего прийти в отчаяние представительнице аристократического рода, стяжавшей европейскую известность!

Впрочем, в различных изданиях мемуаров ссыльной княгини невероятная фраза о «шестидесяти градусах» трактовалась по-разному: либо как указание на температуру воздуха, либо же как на географическое положение ссылки – 60 градусов северной широты.

В 1840 г. в Англии в лондонском издательстве «Тенри Колберн» вышла в свет книга «Memoires of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of Russias: Written by Herself». То есть «Мемуары княгини Дашковой, статс-дамы российской императрицы Екатерины II, написанные ей самой». Издание подготовила Марта Брэдфорд, ирландская знакомая княгини, в девичестве Марта Вильмот. Пять лет с 1803 по 1808 гг. она провела в России, в гостях у Дашковой [13, с. 53–75]. Ирландка прониклась ее интересами, участвовала в создании мемуаров и взялась быть их издательницей [см. Подробно: 12, с. 57–106; 11, с. 83–151]. Рукопись, с которой была осуществлена эта публикация, неизвестна. Неизвестен и автор перевода книги на английский язык. Как явствовало из заглавия, мемуары были написаны княгиней Е.Р. Дашковой и напечатаны с оригинала – «Edited from the original». Но на каком языке был написан этот оригинал, умалчивалось. Поместив в предисловии факсимиле письма Е.Р. Дашковой М. Вильмот, написанное по-английски, издатель как бы давал понять читателю, что мемуары княгини написаны на этом же языке.

Интересующий нас фрагмент в публикации Брэдфорд выглядел так. Речь шла о том, почему сосланная в новгородскую деревню Коротово Дашкова после колебаний все же решила написать письмо вдовствующей императрице

Марии Федоровне письмо с просьбой ходатайствовать перед императором о разрешении княгине вернуться в родовое имение Троицкое в Калужской губернии. «...and had I been the only one to suffer, it would, I think, have led me to submit for ever to present circumstances, rather than petition for a recal to Troitskoe. But others were deeply concened; but such a place for residence for them! – a peasant's cabin, in upwards of sixty degress of northern latitude, situated amidst morasses and imprevious forests, which, during sluggish and short-lived summer, cut off all convenient egress from the environs of the village, and with it almost the power of taking exercise». [9, p. 17]

В 1859 г. А.И. Герцен и Н.П. Огарев опубликовали в Вольной русской типографии в Лондоне русский перевод «Записок» Дашковой. В этом издании интересующий нас фрагмент был переведен так: «И если бы осуждена была страдать одна, я, вероятно, лучше согласилась бы всегда остаться в настоящем положении, чем умолять вернуться в Троицкое. Но мою ссылку добровольно разделяли другие и, где же? – в крестьянской хижине, под шестидесятым градусом северной широты, среди болот и непроходимых лесов, которые, в продолжение короткого и ненастного лета, отрезывали всякий удобный выход окрестной черты деревни и непрерывно держали нас в заключении». [10, с. 270] Ряд переизданий «Записок», предпринятых в России, воспроизвели этот русский перевод с английского. [5, с. 254; 6, с. 228]. Как видим, в английском издании жизнеописания княгини речь шла о том, и именно так это фрагмент понял переводчик на русский язык, что деревня Коротово, где Дашкова и ее спутники испытывали нечеловеческие страдания, находилась на шестидесятой параллели.

В 1881 г. издатель «Архива князя Воронцова» П.И. Бартенев опубликовал текст мемуаров Дашковой, названных ей самой «Mon histoire», то есть, «Моя история». Рукопись была извлечена из семейного архива Воронцовых, написана по-французски и довольно существенно отличалась от текста английской публикации. В этой рукописи, написанной рукой Марты Вильмот, и содержащей фрагменты текста, написанные рукой Е.Р. Дашковой, все «ужасы» жизни в Коротово были представлены таким образом: «Je ne me pressais pas d'écrire cette lettre, et si j'avais été seule à souffrir d'un séjour pénible, à plus de 60 degrés, dans une cabane de paysan, sans pouvoir (quand un été tardif serait venu pour une durée seulement de quelques semaines) sortir, les environs en étant des marais et des bois inaccessibles et impénétrables, je n'aurais pas demandé à être transférée à Ttoitskoie...» [1, с. 338]

В русском переводе текста бартеневской публикации, изданном в 1907 г., переводчик представил такой вариант: «Я не спешила писать это письмо и не просила разрешения переехать в Троицкое, если бы я одна страдала от жизни в крестьянской избе в шестидесятиградусные морозы, не имея возможности гулять даже с наступлением позднего и короткого лета, так как кругом были все болота и непроходимые леса...». В издании Пушкинского дома 1985 года, подготовленном Г.Н. Моисеевой под редакцией Ю.В. Стенника, дословно воспроизведен фрагмент предыдущего перевода 1907 г. [4, с. 193].

Более точный перевод был представлен в издании Московского государственного университета 1987 г. и переиздании 1991 г., подготовленных Г.А. Веселая под редакцией С.С. Дмитриева : «Я не стала бы вымаливать разрешение вернуться в Троицкое, если бы одна страдала от тяжелой жизни в крестьянской избе, не имея возможности выходить на прогулки зимой из-за шестидесятиградусных морозов, а летом (которое наступает позднее и всего на несколько недель) из-за того, что окрестности представляют собой болота и непроходимые леса» [8, с. 195].

Как видим, в переводах, осуществленных на основании публикации рукописи воронцовского архива, «à plus de 60 degrés» воспринималась переводчиками как указание на шестидесятиградусные морозы. Рукопись, которую опубликовал П.И. Бартенев, сохранилась в собрании Воронцовых, хранящемся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Она написана рукой Марты Вильмот и содержит отдельные фрагменты, написанные самое Е.Р. Дашковой. В этой рукописи упоминание о «градусах» передано значком, которым обычно обозначают температуру: «60°». [Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Д. 749. Л. 159] Понятно, переводчики воспринимали этот текст как указание на температуру воздуха.

В Лондоне в Библиотеке Британского музея среди бумаг семейства Вильмот находится еще одна рукопись «Записок». Так же, как и воронцовская, она написана рукой Марты Вильмот. Отдельные же фрагменты ее принадлежат руке Е.Р. Дашковой. В этой рукописи интересующий нас пассаж передан словами «à plus de soixante degrés» [British Museum Library. Brook family papers. Additional 31911. P. 188]. Соотношение обеих рукописей таково. Вторая часть «Записок», а именно в ней находится разбираемый фрагмент, в лондонской рукописи представляет собой черновой текст, созданный ирландской подругой Дашковой и самой княгиней. Воронцовская же рукопись воспроизводит одну из стадий совместной работы М. Вильмот и Е.Р. Дашковой над лондонской [см. подробно: 11, с. 122]. Хотя ни ту, ни другую нельзя назвать окончательной редакцией, но, несомненно, первоначальный текст, отраженный лондонской рукописью, предшествовал более позднему тексту, воплощенному в рукописи воронцовской. Из этого неслучайно следует. Вначале было написано несколько двусмысленно «à plus de soixante degrés». А потом при дальнейшей работе было уточнено: «à plus de 60°». На основе лондонской рукописи была создана английская редакция, преданная печати. Но она подверглась очень сильной переработке. Причем настолько существенной, что в ряде фрагментов с трудом можно узнать более ранний французский текст. настолько он был искажен по воле редактора или издателя. В этой английской редакции, а точнее в лондонском издании рядом с «in upwards of sixty degrees» появилось «уточняющее» добавление «of northern latitude», то есть «северной широты», которого, как мы видели, в дошедших до нас подлинных рукописях не было. Очевидно, это «самодеятельность» редактора, превратившего свидетельство автора о температуре воздуха в указание на географическое

положение деревни Коротова: то есть «более чем на шестидесятой параллели северной широты».

И дело не только в том, что, находясь в Новгородской губернии, Коротово располагалось южнее указанного рубежа – $58^{\circ} 57' 11''$. Кажется просто невероятным, чтобы Дашкова, большую часть жизни прожившая в Петербурге, который, кстати сказать, и находится чуть южнее 60° параллели – $59^{\circ} 56' 31''$ [2, с. 1–2], могла жаловаться, что ее сослали на шестидесятую параллель. Вообще утверждение русского человека, что он живет на такой-то параллели, выглядит более чем странно. Даже, если оно исходит от директора Академии наук. Так, например, генерал Ф.В. Бауер мог писать К.В. Нессельорде о визите Дидро в Петербург, что «под 60° широты блекнут идеи, цветущие под 48° » [3, с. 134]. Но он не был русским.

Между тем в «Записках» рассказывается, что «между Петербургом и Красным Кабаком на расстоянии 10 верст протянулись болота и густые леса» [8, с. 60] («le terrain n'était qu'un marais et d'épaisses» [1, с. 55]. Здесь у Дашковой было любимое имение, названное впоследствии в честь переворота 1762 г. Кирьяново. Непроходимые болота, среди которых Екатерина Романовна построила свою дачу, были настолько глубоки и вязки, что, отправившись однажды на прогулку, она «тут же увязла в болоте по колена и промочила ноги» [8, с. 61]. («je m'y enfonçai jusqu'aux genoux») [1, с. 56], а затем схватила «une forte fièvre», то есть лихорадку, жар был «au plus haut degré», («наисильнейший»), голова же («mon cerveau») «помутилась» («aussi incoherent» [1, с. 56]) [8, с. 60–61]. Судя по этим свидетельствам, вписанным в рукопись Марты Вильмот собственной рукой Е.Р. Дашковой, к болотам и труднопроходимым лесам княгине было не привыкать и не они, как таковые, отравляли в Коротово жизнь статс-дамы императрицы. Главное, что делало ее жизнь в крестьянской избе невыносимой – сильнейшие морозы.

Сама конструкция фразы «Записок» позволяет заключить, что в ней идет речь не о географическом положении, а о температуре воздуха. Автор жалуется на свою печальную участь из-за невозможности выходить на воздух. Летом это невозможно из-за болот и непроходимых лесов. Но это длится недолго. Зимой же, когда болота замерзают и можно гулять по замерзшему грунту, сколько душе угодно, – не выйти из избы из-за шестидесятиградусных морозов. Именно такой смысл вложил в эту фразу, написавший ее.

Как это не покажется странным, но никто из комментаторов не задался простым вопросом, а бывают ли в Новгородской губернии шестидесятиградусные морозы? Возможно, допустить, что написавший эти строчки пользовался не шкалой Реомюра, принятой в России, но Фаренгейта, употребляемой в Англии в XVIII веке. Если считать, что температура воздуха дана в «Записках» по шкале Фаренгейта, то тогда и тогда получается, что в Коротово в конце XVIII века стояли морозы ниже -51° по Цельсию. Разве Дашкова не знала, что таких крепких морозов там никогда не было? Кто же мог пугать доверчивого читателя невероятными морозами на русском Севере,

кроме ее ирландской «дочери» Марты Вильмот, рукой которой написана подавляющая часть текста часть обеих рукописей «Записок» Дашковой.

Скорее всего, М. Вильмот воспользовалась такой гиперболой, рассчитывая на неосведомленного читателя, готового поверить в самые невероятные рассказы о неведомой ему «дикой» стране, чтобы показать что Россия – варварская страна, где на улицах еще можно встретить медведей и стоят страшные морозы. Это умозаключение представляет собой еще один, наряду с другими, более существенными, аргумент для решения вопроса об авторах этого своеобразного памятника российско-британских культурных связей.

1. Архив князя Воронцова. Т. XXI. М., 1881.
2. *Баиуцкий А.П.* Панорама Санкт-Петербурга. Ч. II. Спб., 1834.
3. *Бильбасов В.А.* Дидро в Петербурге. Спб., 1884.
4. *Екатерина Дашкова.* Записки. 1743–1810. Л., 1985.
5. Записки княгини Дашковой. Спб., 1906.
6. Записки княгини Дашковой. Спб., 1907.
7. Записки княгини Дашковой. Перевод с французского по изданию, сделанному с подлинной рукописи / Под ред. Н.Д. Чечулина. Спб., 1907.
8. Записки княгини Дашковой и письма сестер Вильмот из России. М., 1987.
9. *Memoires of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of all the Russias: Written by Herself: comprising Letters of the Empress the Empress and other correspondence. Edited from the Originals, by Mrs. W. Bradford in two volumes. London, 1840. V. II.*
10. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки княгини Е.Р. Дашковой. 1859. Лондон. Репринтное воспроизведение. М., 1990.
11. *Сафонов М.М.* "Записки" Е.Р. Дашковой и их авторы // Е.Р. Дашкова: Наследие и современность. М., 2009.
12. *Сафонов М.М.* «Записки» Е.Р. Дашковой и их авторы // Е.Р. Дашкова и XVIII век. От Российской империи к современной цивилизации. М., 2010.
13. *Сафонов М.М.* Мисс М. Вильмот, княгиня Е.Р. Дашкова и ее дети // Е.Р. Дашкова и развитие культуры в эпоху Просвещения. М., 2016.

УДК 930

М.Ю. Колпаков, Д.В. Михеев
Россия, Псков

ЖИТЕЛИ НОВГОРОДА И ПСКОВА XVI–XVII ВВ. В АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОЧНИКАХ⁶

С середины XVI в. английские и французские авторы проявляют интерес к западным военным форпостам и экономическим центрам Московского государства – Новгороду и Пскову. В сравнении с устоявшимися в Европе стереотипами о «московитах», эти свидетельства об организации управления, экономическом потенциале, коммуникациях являются ценным источником для изучения изменения баланса сил в Балтийском регионе и Восточной Европе. Особое внимание уделялось описаниям религии, образа жизни. Английские и французские авторы XVI–XVII вв. выделяют особенности нравов псковичей и новгородцев, связанные с проживанием в городах, которые до недавнего времени были

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Псковская земля в описаниях английских и французских авторов в раннее Новое время», № 17- 11- 60003 а(р).